

После того как ей удалось поест в доме Лу Цинцзю, Цзюфэн с явной неохотой заставила себя уйти. Судя по её лицу, если бы не страх перед Бай Юэху, она бы с радостью осталась в старом доме Лу Цинцзю.

Ночью Лу Цинцзю крепко спал и на утро был свеж и бодр. На следующий день, проснувшись, он обнаружил, что Цзюфэн уже ушла. За окном всё ещё лежала ослепительно-белая пелена снега, и он вдруг заскучал по жаркой погоде тех мест, где жила Цзюфэн.

Из куриного бульона, оставшегося от вчерашней тушёной змеи, он сварил лапшу с курицей. Накормив два домашних рта и оценив довольно ясную погоду за окном, Лу Цинцзю выпустил зверят во двор – пусть свободно побегают. Всё же они сидели взаперти с самого начала зимы, и за это время стало уже немного невмоготу, не хватало свежего воздуха.

Одетые в маленькие курточки, сшитые Лу Цинцзю, Сяо Хэй и Сяо Хуа бросились в снег, оставляя за собой ряд очаровательных следов. Маленький лис был нежнее – свернувшись клубочком на руках у Лу Цинцзю, он долго не хотел слезать. Только когда Бай Юэху протянул руки к Лу Цинцзю, желая взять его, лисёнок пару раз тявкнул и осторожно спрыгнул на толстый слой снега, тут же поджав озябшие лапки.

Снег прекратился, утих и ветер. Яркое солнце повисло в вышине. Лу Цинцзю, одетый в несколько слоёв, бегал по снегу и вскоре весь взмок, но холода совсем не чувствовал. Видя, что малыши веселятся, он зашёл в дом и принёс помпон, с которым часто играл с лисёнком. Они затеяли игру: он бросал, а лисёнок с радостью приносил помпон обратно.

Вся семья была счастлива, в доме царила редкостная гармония.

Поскольку зимой на улицу выходило мало людей, Лу Цинцзю выпустил зверят из внутреннего двора, строго-настрого наказав не отходить далеко: «А не то вас поймают и пустят на мясо. К ужину, до темноты, чтобы все были дома».

Услышав это, Инь Сюнь рассмеялся и сказал, что Лу Цинцзю говорит совсем как мать.

Лу Цинцзю: «Это ты так разговариваешь со своим отцом?»

Инь Сюнь: «...» Какой же ты безжалостный!

Зимой еда была в основном лёгкой, и через некоторое время начинало хотеться чего-то поострее. Лу Цинцзю тоже приелись пресные блюда, и он задумал сделать куриные ножки с маринованным перцем. Куриные ножки были куплены заранее и лежали в холодильнике – только достань и разморозь.

Он вытащил маринованные перцы из банки, сложил варёные куриные ножки и перцы в стеклянную банку, добавил соль и немного вина. Через день ножки как следует пропитаются, и

можно будет, сидя на кане за книгой или болтая с домашними, перекусывать ими – и вкусно, и время убить.

На обед Лу Цинцзю приготовил свиные рёбрышки на пару с клейким рисом и горшок супа с мясом и капустой. Когда рис был почти готов, он попросил Инь Сюня выйти и позвать тех, кто гулял снаружи: «Обед готов».

Инь Сюнь вышел и привёл с собой трёх малышек – Сяо Хуа, Сяо Хэй и маленького лиса. Бай Юэху он не видел.

Лу Цинцзю сказал: «А, у него дела, сегодня он не будет обедать дома. Давайте есть».

После того как накануне Цзюфэн заглянула к ним на ужин, Бай Юэху был не в духе. Казалось, он о чём-то задумался. Рано утром он ушёл, сказав Лу Цинцзю, не ждать его на обед и ужин. Это было редкостью: с тех пор как Бай Юэху поселился в старом доме, он почти никогда не отлучался дольше чем на день. Лу Цинцзю понятия не имел, куда подался его лис.

Сяо Хуа, Сяо Хэй и маленький лис уже чинно сидели в гостиной и ждали Лу Цинцзю, подняв мордочки кверху. Все трое были очень послушны: перед тем как войти, вытерли снег и воду о половичок, а когда увидели Лу Цинцзю, даже подняли лапки – мол, перед едой помыли.

Обычно они обедали вместе, и всё, что готовил Лу Цинцзю, съедалось без остатка. Сначала он переживал, можно ли Сяо Хэй и Сяо Хуа свинину, но Сяо Хуа твёрдо заявил, что они не свиньи, и после этого он кормил их свиной наравне со всеми.

Трое малышек, уткнувшись носами в миски, с удовольствием принялись за еду.

Лу Цинцзю сел за стол вместе с Инь Сюнем – наложил себе свиных рёбрышек и клейкого риса. За едой он вдруг заметил что-то и спросил: «Эй, откуда эта соломенная кукла?»

У ног Сяо Хэй валялась грубо сработанная соломенная кукла размером с ладонь.

«Соломенная кукла? – Инь Сюнь задумался на мгновение. – Кажется, её принесла Сяо Хэй».

«Моя сестра нашла её в снегу, – пояснил Сяо Хуа, пока его младшая сестра самозабвенно жевала. – Она долго копала снег, а потом вдруг вытащила эту куклу».

Лу Цинцзю подошёл и поднял её. Глаза куклы были сделаны из пришитых красных бобов, как и нос с ртом. Она была одета в пёструю куртку – простая игрушка. На первый взгляд кукла выглядела грубой, но, присмотревшись, Лу Цинцзю понял, что сделана она очень тщательно: черты живые, выразительные, довольно забавно.

«Откуда она? – Инь Сюнь взял куклу из рук Лу Цинцзю, повертел и тут же потерял интерес. – Может, какой-нибудь деревенский ребенок потерял свою игрушку».

Народ здесь жил небогато, на покупных тряпичных кукол из города денег не было. Поэтому, когда дети капризничали и просили новую игрушку, родители чаще всего мастерили её сами. Соломенная кукла вполне могла быть игрушкой какого-нибудь деревенского ребёнка.

«Может быть. – Лу Цинцзю вернул куклу Сяо Хэй. – Можешь поиграть с ней, а когда наступит весна, я расспрошу людей в деревне. Если никто не признает её, она твоя».

Сяо Хэй радостно фыркнула и, прижимая куклу передними копытцами, крепко обняла её, даже потёрлась щекой.

После обеда Лу Цинцзю, как обычно, отправился вздремнуть. Инь Сюнь сказал, что хочет расчистить снег во дворе, пока погода хорошая: «В ближайшие дни возможны сильный ветер и снегопад, лучше сделать всё заранее, иначе потом с сугробами дверь не откроем».

Как горный бог, Инь Сюнь предсказывал погоду безошибочно. Лу Цинцзю кивнул и пошёл спать.

Спал он глубоко. Обычно он просыпался сам через час, но сегодня проспал почти до вечера. Когда открыл глаза, за окном уже совсем стемнело. Лу Цинцзю очнулся в тёплой постели, слегка ошалелый. Всё тело под одеялом обмякло, в голове была каша, и ему потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Когда сознание наконец прояснилось, он почувствовал, что что-то не так. Он проспал так долго, и Инь Сюнь обязательно пришёл бы его будить, но в доме стояла полная тишина. Он несколько раз позвал Инь Сюня – никто не ответил.

«Инь Сюнь! Инь Сюнь, ты здесь?» – натягивая одежду, Лу Цинцзю снова окликнул друга, но ответа не было.

Надев толстый пуховик, он толкнул входную дверь. Внутри ворвался ледяной ветер. На небе не было луны, во дворе было темно и пугающе тихо.

«Инь Сюнь?! Где ты?» – дурное предчувствие усилилось. Лу Цинцзю знал: если бы Инь Сюнь собирался уйти, он бы обязательно предупредил. Но теперь он просто исчез.

Он бросился обратно в дом за фонариком, но, проходя через гостиную, увидел на диване пальто Инь Сюня, а на столе – его телефон. Очевидно, тот ушёл не по своей воле – даже не успел надеть куртку. Вместе с ним исчезли Сяо Хуа и Сяо Хэй, что днём играли во дворе.

«Инь Сюнь? Инь Сюнь?!»

Схватив фонарик, Лу Цинцзю выскочил во двор. Выкрикивая имена, он направился к внутреннему двору, надеясь увидеть их там. Но едва он ступил в проход между дворами, под решёткой виноградной лозы, как неожиданно споткнулся о что-то под ногами.

Лу Цинцзю споткнулся и едва не рухнул на землю. Он направил фонарик вниз, осветив снег, и, разглядев, что за предмет лежал под ногами, его лицо на миг окаменело.

Перед ним оказалась охапка соломы, припорошенная снегом. В их доме солому никогда не держали, и её здесь быть не могло. Лу Цинцзю ясно помнил, что утром, проходя здесь, ничего подобного не видел.

Он медленно шагнул к соломе, протянул руку и смахнул снег, укрывавший её. С каждым движением, с каждой опавшей снежинкой существо, погребённое под ним, наконец показывало свой истинный облик.

Это был гигантский соломенный человек ростом в метр семьдесят, зарытый в снег в ползучей позе. Но не это заставило Лу Цинцзю потерять самообладание... В отчаяние его повергло то, что на теле этого огромного соломенного чучела он узнал одежду, которую сегодня носил Инь Сюнь.

Инь Сюнь превратился в соломенного человека.

По телу Лу Цинцзю пробежали мурашки. Он собрал всю свою волю, чтобы успокоиться, глубоко вздохнул и продолжил раскапывать. Вскоре под соломенным великаном он нашёл трёх крошечных соломенных кукол: двух свинок и одну лису – тех самых малышей, что пропали из его дома.

Увидев это, Лу Цинцзю мгновенно понял: с соломенной куклой, которую принесла Сяо Хэй, было что-то не так. Но понял он это слишком поздно. Глупый Инь Сюнь уже превратился и теперь был соломенным человеком – какая нелепица.

Он провёл рукой по лицу, вытащил Инь Сюня из снега и отнёс его в дом вместе с тремя малышами. Боясь, что огонь может поджечь друга, он даже специально отодвинул угольную чашу подальше от Инь Сюня.

В тусклом свете Лу Цинцзю встретился взглядом с красными бобовыми глазками Инь Сюня. Спустя мгновение он беспомощно вздохнул, достал из кармана телефон и набрал номер.

После того, как снег заблокировал горы, телефоны стали капризничать: то сигнал есть, то нет. Лу Цинцзю не знал, удастся ли дозвониться.

К счастью, удача не отвернулась от него. После десятка гудков звонок принял.

«Юэху», - назвал Лу Цинцзю имя своего постояльца.

«Лу Цинцзю», - ответил Бай Юэху.

«Это... - Лу Цинцзю впервые звонил Бай Юэху. Он и представить не мог, что это случится по такой причине. Бай Юэху уехал всего на день, а детишки уже доигрались. - Дома кое-что случилось».

«Что случилось? Ты в порядке?» - спросил Бай Юэху.

«Я в порядке. Но Инь Сюнь... он превратился в соломенную куклу».

Бай Юэху: «...»

Разговор стих на добрых двадцать секунд. Лу Цинцзю уже подумал, что тот отключился, когда услышал голос лиса: «Что произошло?»

Лу Цинцзю коротко рассказал, как Сяо Хэй нашла и принесла домой соломенную куклу, и о превращении Инь Сюня.

Выслушав его, Бай Юэху на миг задумался. Казалось, он понял, в чём дело.

«Не волнуйся, ничего серьёзного».

«Ничего серьёзного? - Лу Цинцзю взглянул на соломенного человека в обличье Инь Сюня, и страх всё ещё сжимал сердце. - С Инь Сюнем всё будет хорошо?»

«Всё будет хорошо, - сказал Бай Юэху. - Ему ничего не угрожает. Подожди моего возвращения, тогда я всё объясню. Я вернусь завтра днём. Возможно, к тебе заглянет гость. Просто спрячь соломенное тело Инь Сюня, и всё будет в порядке».

«Хорошо», - хотя Лу Цинцзю не понял и половины из сказанного, услышав, что жизни Инь Сюня ничего не угрожает, он выдохнул. Но что за гость? Может, они и превратили Инь Сюня и остальных в соломенных кукол?

«Тогда возвращайся пораньше, если сможешь, - Лу Цинцзю чувствовал, что самым надёжным в этом доме всё же был Бай Юэху. - Завтра будем тушить баранину».

«Ладно», - голос Бай Юэху стал теплее.

Повесив трубку, Лу Цинцзю сделал так, как велел Бай Юэху: спрятал соломенное тело Инь

Сюня. В доме было много пустых комнат, и он выбрал одну, положил туда Инь Сюня и остальных троих. Боясь, что они замёрзнут, он укрыл их толстым одеялом.

Покончив с этим, Лу Цинцзю приготовил скромный ужин, затем прошёл в гостиную, взял книгу и принялся читать. Надо сказать, без болтуна Инь Сюня и шумных Сяо Хэй и Сяо Хуа в доме стало тоскливо. Особенно ночью, когда температура упала. Снаружи завывал холодный ветер, заставляя стёкла дребезжать – точно вой призраков и волков.

Лу Цинцзю налил себе чашку чая, согревая ладони. Он читал «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном». С тех пор как Бай Юэху поселился в этом доме, Лу Цинцзю увлёкся древними китайскими мифами. В эту скучную зиму книга стала прекрасным способом скоротать время.

[«Рассказы Ляо Чжяя о необычайном» включает в себя более четырехсот сверхъестественных историй, собранных из китайского фольклора выдающимся китайским ученым, поэтом и писателем 18-го века Пу Сунлинем. Это истории о призраках, магии, вампиризме и других странных вещах и фантастических явлениях. Они не только великолепно отражают социальную жизнь того времени, но наполнены тонким юмором и необычайно увлекательны. https://librebook.me/strange_tales_from_a_chinese_studio]

Как и предсказал Инь Сюнь, ночью разыгралась метель. Около десяти вечера гость, о котором говорил Бай Юэху, всё ещё не пришёл. Решив, что сегодня уже никого не будет, Лу Цинцзю закрыл книгу и собрался ложиться спать, но тут раздались два чётких стука в дверь. В завываниях вьюги стук казался едва слышным. Если бы Лу Цинцзю не ждал его, он бы точно пропустил.

С лампой в руке он подошёл к двери и спросил сквозь чёрную железную створку:

«Кто там?»

«Этот скромный монах проходил мимо и надеется остаться на ночь в доме благодетеля. Не будет ли это позволено?» – раздался снаружи молодой голос.

Лу Цинцзю: «...» Чёрт, звучит как начало страшной истории.

Если бы Бай Юэху заранее не предупредил о госте, Лу Цинцзю, возможно, твёрдо отказал бы. И не из-за неудобства, а потому что он не мог сказать, человек ли за дверью или призрак. А если пригласить нечисть – разве это не поиск смерти? К тому же дорога в деревню Шуйфу давно занесена снегом, откуда здесь взяться монаху в такую свирепую метель?..

Но раз Бай Юэху назвал его гостем, значит, он не должен быть плохим.

Лу Цинцзю открыл дверь. Перед ним стоял монах в серых одеждах и конической бамбуковой шляпе. В темноте лица было не разглядеть.

«Маленький наставник, проходите, пожалуйста».

Молодой монах поклонился и осторожно переступил порог.

Лу Цинцзю с лампой шёл впереди, указывая дорогу. Он провёл монаха в гостиную. Как только они вошли в тёплую комнату, монах снял бамбуковую шляпу, явив невероятно юное лицо. Его внешность нельзя было назвать ослепительно красивой, но в ней было странное очарование. Глядя в его глаза, люди чувствовали необъяснимое спокойствие.

«Что привело маленького наставника в деревню Шуйфу? – Лу Цинцзю налил ему чашку горячего чая. – Дороги занесены снегом, ходить в такую метель очень опасно».

Молодой монах принял чай, сложил руки и снова поклонился.

«Будда просил этого скромного монаха прийти сюда».

«И Будда попросил вас постучать в мою дверь?» – улыбнулся Лу Цинцзю.

«У всего есть причина, даже у глотка и клевка», – ответил молодой монах.

Хотя Лу Цинцзю не был буддистом, это не мешало ему хорошо относиться к монахам. Появление молодого монаха было неожиданным, но он держался вежливо и почтительно, что делало его очень приятным.

«Маленький наставник соблюдает пост?»

Молодой монах отрицательно покачал головой: «Этот благодетель может называть этого скромного монаха Сюань Юй».

Лу Цинцзю не ответил на это, лишь улыбнулся: «Тогда я приготовлю вам что-нибудь поесть. Маленький наставник может посидеть здесь, выпить чаю и согреться».

С этими словами он прошёл на кухню и приготовил простые овощные блюда. В такую стужу хранить овощи было непросто, но, к счастью, в погребе ещё оставалось много сладкого картофеля и капусты. Лу Цинцзю сварил рис со сладким картофелем и поджарил кисло-сладкую капусту. Закончив, он принёс еду молодому монаху.

«Простите, в доме остались только эти овощи».

Сюань Юй тронул губы в легкой улыбке. «Этого уже более чем достаточно. Благодарю вас,

благодетель».

Лу Цинцзю снова наполнил его чашу чаем.

Пока Сюань Юй ел, Лу Цинцзю исподволь разглядывал юного монаха. В душе его зрела смутная тревога: личность этого человека не могла быть заурядной. В самом деле, разве обычный человек станет бродить в полночь среди беснующейся снежной бури?

Когда трапеза завершилась, Сюань Юй еще раз выразил свою признательность.

«Я приготовил для вас комнату, - произнес Лу Цинцзю. - Сможете отдохнуть там этой ночью».

«Благодарю вас, благодетель».

Лу Цинцзю проводил его до дверей комнаты и, лишь убедившись, что монах вошел внутрь, повернулся, чтобы идти спать. Однако беспокойство не отпускало его, и он, не медля, перетащил Инь Сюня к себе. Солома слишком легко вспыхивает - он не осмелился разжечь кáн, боясь, что его неразумный сын станет пищей для огня и обратится в пепел...

Той ночью Лу Цинцзю спал на удивление крепко. Утром, выйдя во двор, он увидел Сюань Юя, застывшего и всматривающегося вдаль.

«Маленький наставник», - окликнул его Лу Цинцзю.

«Благодетель», - отозвался Сюань Юй с поклоном.

«Как вам спалось? Что бы вы хотели на завтрак? Может, поджарить вам лепёшек? На улице метель, не стоит долго стоять на ветру».

Снегопад не унимался, но монах стоял прямо, не двигаясь. Его стройное тело казалось высеченным из камня - каким бы сильным ни был ветер, оно не дрогнуло бы ни на шаг.

Сюань Юй остался неподвижен. «Благодетель, слышали ли вы историю о том, как Будда отдал своё тело, чтобы накормить тигрицу?»

Лу Цинцзю замер на миг. «Я... Слышал».

История гласила: Будда пожертвовал собой, чтобы спасти тигрицу и её детёнышей. Смысл её - великое сострадание, равенство всех живых существ.

«Что вы об этом думаете?» - спросил Сюань Юй.

Лу Цинцзю нахмурился. «Я не буддист».

Сюань Юй улыбнулся. «Я знаю. Но мне хотелось бы узнать: пожертвовали бы вы своим телом, чтобы накормить тигра?»

Лу Цинцзю промолчал. Он не был согласен с монахом, но высказать это вслух было бы невежливо. Он сменил тему: «Маленький наставник, прошу вас отдохнуть».

Это само по себе стало ответом. Сюань Юй вздохнул. «Может быть, вчера вы видели маленького соломенного человечка?»

Сердце Лу Цинцзю ёкнуло. «Это ваша вещь?! Мой питомец случайно принёс его в дом, а после полудня я понял, что сам питомец превратился в солому – точь-в-точь как та кукла».

Бедный Инь Сюнь не подозревал, что с сына опустился до статуса питомца...

«Он принадлежит мне, – сказал Сюань Юй. – В нём нет ничего дурного».

«Ничего дурного?!» – не поверил Лу Цинцзю.

«Можете ли вы отличить человека от призрака?»

Лу Цинцзю замер.

«Некоторые не могут. Я помогаю им. – Тёмные глаза Сюань Юя сияли милосердием. – Но раз вы изначально знали правду, этот бедный монах не станет много говорить».

«Вы хотите сказать... этот соломенный человечек создан, чтобы отличать людей от не-людей?»

Сюань Юй кивнул.

«Хорошо, – ответил Лу Цинцзю. – Я давно знал, кто они. Как им вернуться к прежнему облику?»

«Через три дня они вновь станут собой».

Но Лу Цинцзю нахмурился, размышляя. «А что, если их сожгут, пока они соломенные?»

Сюань Юй улыбнулся. «Раз вы так о них заботитесь, как бы осмелились их сжечь?»

«Но находились те, кто сжигал?»

«Тогда спросите их сами: почему они решились?»

Лу Цинцзю понял тайну, скрытую в соломенном человечке. Он давал выбор. Не-люди, прикоснувшись к нему, обращались в солому. Если человек хотел оборвать эту связь, он мог просто сжечь куклу.

Пепел к пеплу, прах к праху.

Он не знал, чувствуют ли те сожжённые, видят ли, что происходит вокруг.

Но он понимал: не все не-люди добры, как его домочадцы. Отношения с людьми бывают разными – дружба, любовь, угроза, зло.

Неудивительно, что Бай Юэху сказал: Сюань Юй – гость. Он передавал выбор в руки человека. Он был милосердным монахом.

Лу Цинцзю рассмеялся.

«Чему вы смеетесь?» – спросил Сюань Юй.

«Слышали ли вы когда-нибудь о человеке по имени Фахай?»

Сюань Юй подмигнул. «А знаете, как мой наставник дожил до ста лет?»

«Как?»

«Не вмешивался не в своё дело».

Лу Цинцзю разразился громким смехом.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Если Сюань Юй – Фахай...»

Бай Юэху: «Какое совпадение, меня тоже зовут Бай».

Лу Цинцзю: «???»

[Фахай - монах, который обманом заставил Сюй Сяня узнать о реальной форме Бай Сучжэнь (Белая змея), что привело к его смерти и вызвало целую кучу драмы. <https://www.abirus.ru/content/564/623/624/20915/21122/21255.html> Так что, он говорит, что он Бай Сучжэнь для Сюй Сяня - Лу Цинцзю]

Переводчику есть что сказать:

ессо: «Надеюсь, сожжённые были без сознания... Иначе это было бы слишком жестоко. .

□□□□(□ω□)□□□□.»

<http://bllate.org/book/15722/1630626>